

Глава 2

Здравствуй, милый!

Слепящий белый свет вырвал Сергея из темноты. Свет проникал в мозг, обжигал сознание, вызывал тошноту.

— Зрачки не реагируют! — раздался за головой незнакомый голос, звучавший гулко, словно из колодца.

— Что с давлением? — отозвался другой.

— Падает. Эй, парень, держись! Держись, мы почти приехали... ли... ли... ли.

Сергей слышал удаляющееся эхо слов, но уже ничего не видел. Темнота вновь забралась в его сознание.

И снова свет, но другой — спокойный, нежный, притягательный. Он манил чарующим маяком, обещал мир и радость, возвращение в... куда?

Ни страха, ни мыслей, просто любование светом и нестерпимое желание прикоснуться к его

источнику. Сергей не замечал того, что рядом. Лишь ощущал, как движется вперед, к своей цели.

Он не понял, как очутился вдруг на цветущей летней поляне, под босыми его ногами простирался травяной ковер, а над головой раскинулось ясное небо, источавшее тот самый свет. И все, и ничего более. Разве что поодаль росло большое дерево с густой темно-зеленой кроной и выделялось мрачным пятном на светло-радужном фоне.

Страшно не было, скорее любопытно и чуточку тревожно. Сергей шагнул вперед, и новый мир распахнулся перед ним. Странные ощущения... Он видел свои босые ноги, чувствовал щекотание мягкой травы, но иначе, совсем иначе, чем обычно.словно через тонкую невесомую пленку, отчего казалось, что он не идет, а летит.

Но несколько шагов — и Сергей привык, ощущения стали знакомыми и понятными, он осознал, что слышит теперь и звуки: пение птиц, шуршание ветра в листве дерева, журчание ручейка. Сергей осмотрелся и увидел совсем рядом блестящую водяную змейку, разделявшую поляну пополам. Он залюбовался мерцанием разноцветных бликов и потому вздрогнул от неожиданности, когда услышал знакомый, но давно забытый голос:

— Здравствуй, Сергеюнька.

На другой стороне ручья стояла бабушка Наташа. Бабушка Наташа умерла шестнадцать лет назад.

Выцветшие серые глаза смотрели с любовью изпод нависших от старости век, губы, испещренные мелкими поперечными морщинками, растянулись в приветливой улыбке. Белые длинные волосы ба-

бушки были заплетены в косу и заколоты шпильками в тугий пучок на затылке. Все ровно так, как тогда... до того, как она умерла.

— Здравствуй, милый, — повторила бабушка и протянула Сергею сухонькую ладошку. — Пойдем?

Он уставился на нее с удивлением, радостью и тревогой одновременно. Он никак не мог подобрать слов... никак не мог сообразить, что происходит и почему. Смутные догадки вползли холодком к солнечному сплетению, и миг спустя ледяной лавиной накатило внезапное осознание.

— Я умер? — тихо спросил Сергей.

— Да, — так же тихо ответила бабушка.

Казалось, что мир вокруг снизил громкость, чтобы давно не видевшиеся родственники могли поговорить шепотом.

— Это не страшно, — ободряюще кивнула бабушка Наташа. — Закончился твой первый жизненный опыт. Для тебя все впервой. Вот почему ты не помнишь, кто ты такой на самом деле. Пойдем, милый, я расскажу.

Она вновь протянула руку. Сергей поколебался секунду и все же коснулся узловатых пальцев, одновременно перепрыгивая ручеек.

Только приземлился он уже не на траву, а на гладкий, излучающий белый свет пол пустой комнаты. Это трудно было назвать именно комнатой. Но сознание Сережи упорно пыталось найти ориентиры, образы, слова из прошлого, которыми можно было бы обозначить то, что он ощущал сейчас. Вот почему он окрестил пространство, в котором оказался, «комнатой».

На самом же деле для описания этого места подошли бы такие слова, как эфемерность, спокойствие, вечность, свет. У пространства не было границ, не было теней. Только лился бесконечный свет отовсюду. Тот самый, который так манил Сергея в начале пути.

— Где мы? — без страха, но с любопытством спросил он.

— В Источнике, в месте, откуда ты появился и откуда приходят все живые души, — ласково проворковала бабуля. — Ты новенький. Новая душа. Лишь только ты явился, тебя сразу отправили проживать жизнь, в которой у тебя было имя и тело. В которой сформировалась твоя первая личность. Но эта земная жизнь — лишь маленький кусочек твоего пути. За ним последуют новые жизни, новые смерти, новый опыт.

— Зачем?

— Чтобы собрать все артефакты... важные жизненные качества, грани кристалла. Знаешь... как из неограненного алмаза, похожего на мутный бесформенный камень, ювелир творит сверкающий бриллиант, отшлифовывая грань за гранью. Так и душа, жизнь за жизнью, приобретает огранку, важную для роста Вселенной. Понятно, милый?

— Эмм... вроде да.

— Я пытаюсь говорить с тобой на единственном знакомом тебе языке, но, если что, то не стесняйся, спрашивай. Хорошо?

Сергей натужно улыбнулся и кивнул, его накрыло ностальгическими флешбэками. Бабушка при жизни была учительницей физики и в разгово-

рах с внуками часто сочетала заботу с привычками школьного лектора. Когда-то она в такой же манере рассказывала Сергею о законе сохранения энергии, совмещая ласковое «милый» со сложными научными терминами.

— В мире бессмертных душ ты младенец, — говорила меж тем бабушка. — Но твоя душа наполнится знаниями и о земном мире, и о том, что за его пределами. Ты можешь стать ученым или рабочим, мужчиной или женщиной, здоровым или часто болеющим. Кем угодно и каким угодно. Тебя будут окружать разные люди, ты будешь говорить из жизни в жизнь на разных языках и постепенно соберешь целостную картину мира. Знания на всех уровнях — материальном, ментальном, эмоциональном и духовном. Все это станет тебе доступным однажды. И тогда ты выйдешь из круга Сансары, покинешь Игру.

— Сансары?

— Это цикл перерождений на Земле. После каждой жизни ты будешь возвращаться сюда, чтобы подвести итоги, сделать выводы и выбрать следующую цель и следующую жизнь.

— И какая цель у меня была... там?

— Для начала просто познакомиться с миром, побыть в нем. Понять, как он устроен, а еще научиться считывать знаки, хотя бы дорожные. С этим у тебя было туго. — Бабушка добродушно засмеялась.

— Да уж, — тоже хохотнул Сергей.

То ли атмосфера вокруг, то ли аромат, витавший в воздухе, то ли едва уловимая вибрация «белой комнаты» — все словно наполняло его легкостью. Все

казалось простым, радостным, таким, каким должно быть. Но откуда-то из глубины души, однако, доносился тонкий писк возмущения, который Сергей не мог ни понять, ни расслышать как следует. И потому отмахнулся от него, погружившись в интересную беседу:

— А ты кто? Ангел? Где твой нимб? Где крылья?

Бабушка щелкнула пальцами, и над головой ее зажегся голубоватым свечением диск.

— Можно и с нимбом, если тебе так нравится. А крылья затекли: старость, знаешь ли, позволяй не расправлять, — пошутила она, передернув плечами, будто действительно проверяла, как там крылья. — На самом деле все устроено совсем не так, как ты думаешь. Однако твоему юному сознанию еще трудно воспринимать объективную реальность, ты мыслишь привычными шаблонами прошлой личности. Но с каждым разом тебе будет доступно больше, а ограничений станет меньше. Потом не придется объяснять тебе про Источник и про Сансару, так ведь? И я явлюсь к тебе, быть может, в другом образе. Более близком уже по следующей жизни.

— Ааа... это... интересно — какой она будет? Я могу выбирать условия? Можно мне... ну там... денег много?

Бабушка беззвучно засмеялась, и лучики морщин разбежались по маленькому лицу.

— Какой ты еще ребенок... Конечно, ты можешь выбирать условия. Но испытание богатством тебе еще рано проходить. Надо сначала добыть артефакт стабильности, серьезности, умение брать и нести от-

ветственность. Нарботать такое качество, которое поможет удержаться от соблазнов, а то ведь можно так испортить карму, что не выплывешь.

— Это... типа... и ад существует?

— А как же, — ответила бабушка.

— Эммм... огонь, котлы, черти?

— Не совсем так. Без чертей, но приятного мало.

Я покажу. Пойдем.

Она коснулась ладошкой Серезиноного плеча, и не успел он моргнуть, как оба они вернулись на поляну, полную цветов, ароматов и звуков. Ручья в этот раз слышно не было, но по-прежнему шумело листвой большое дерево на расстоянии шагов пятидесяти, не больше.

— Во-о-он там, иди, не бойся. — Бабушка махнула рукой куда-то за ствол дерева.

Сергей сделал шаг в указанном направлении и скорее почувствовал, а не увидел, как светлый мир потускнел.

Дерево само по себе не было страшным. Черный пористый ствол впечатляюще массивен — вряд ли хватит рук, чтобы обхватить его. Темно-зеленые гладкие листья на вид казались тяжелыми, будто из камня, но колыхались на ветру легко, издавая тихий скрежещущий звук. Однако чем ближе Сергей подходил, тем темнее становилось небо. Вроде бы всего пара шагов, а как изменилось пространство. По траве пополз холодный белый туман, яркие краски поляны расплылись в его сырости. Птицы умолкли, шум листвы звучал теперь зловеще.

Подойдя к дереву вплотную, Сергей вообще перестал что-либо видеть, кроме этого черного вели-

кана: слишком густой туман накрыл собою пространство.

Бабушка ободряюще пожала Сережину руку и подтолкнула внука вперед:

— Во-о-он они, видишь? Качаются на ветру.

Постепенно сквозь клубы тумана, плававшие в воздухе, Сергей различил тонкие высокие тени, которые шатались из стороны в сторону. Они были похожи на водоросли, растущие из земли. Теней было много... очень много. Они стояли на расстоянии вытянутой руки друг от друга и молчали.

— Они видят нас? — спросил Сергей шепотом.

— Нет, ничего не видят, кроме тумана, и слышат лишь собственные мысли. Они надолго обречены стоять вот так. Даже друг друга не видят. Все, что им остается, — это думать о том, что они натворили.

Сергей поежился. От вида небесной тюрьмы ему стало не по себе. Опять засвербел внутри тонкий голосок сопротивления, захотелось вспомнить что-то. Сергей повернулся к бабушке и сказал:

— Пойдем отсюда, пожалуйста.

— Идем-идем, — кивнула она согласно. — Тем более Гардиан уже ждет тебя.

Они развернулись и направились обратно, и с каждым шагом мир вновь наполнялся яркостью и теплом. Туман быстро развеялся, и Сергей увидел небо, подсвеченное розовым, бесконечно прекрасным закатом, первые звездочки на нем.

Сергей вздохнул легко и радостно, обернулся и еще раз взглянул на дерево. Оно качнуло всю крону, будто прощалось. Вновь совсем не страшное.

— Ты сказала, они там надолго. Но... не навсегда? И что такого надо сделать, чтобы вот так...

— Нет, милый, не навсегда. Нет у Бога задачи наказывать. Только очистить души от Зла, чтобы, вернувшись опять на Землю, они не начали творить бед. Зло — оно ведь прилипчивое, заразное. Как раковая опухоль, способно уничтожить всю планету. Чем дольше души стоят у Источника, тем чище становятся. Очищение приходит через раскаяние. Только раскаяние — это не слезы по себе любимому, по своей загубленной душе, а истинное осознание, сожаление о содеянном. У кого-то на раскаяние века уходят, у кого-то минуты. А потом вновь им шанс дается все с начала начать. Но ты не бойся. Тебе такое не грозит... в ближайшие жизни точно. Это надо совсем... умудриться всей душой Злу отдаться. Да и у тебя хранитель замечательный, поможет подобрать условия и задачи так, чтобы постепенно набрать нужный опыт, прежде чем идти в действительно сложные испытания.

— Ангел-хранитель?

— Да, твой Гардиан.

— А разве...

— Нет, это не я. Я тот, кто встречает новичков и рассказывает о правилах Игры. Но мы все — части единого. Пока ты узнал достаточно для первого раза. Через пару жизней поймешь, как все устроено.

Дальше они шли молча, Сергей силился вспомнить то, о чем забыл, и никак не мог. Красота, окружавшая его со всех сторон, отвлекала внимание, наполняла душу благостью, а сознание тиши-

ной. С каждым шагом Сергей сбрасывал бремя прошлого, и в нем росло предвкушение будущего.

В воздухе пахло морем, и действительно, поднявшись на пригорок, Сергей с бабушкой увидели маленький уютный залив с песчаным пляжем и длинным деревянным пирсом. Безлунное небо с россыпью желтых звезд накрывало море черным куполом. И все равно было светло, вернее, темно, но все видно: и лодку, привязанную веревкой к пирсу, и разошедшиеся доски, прибитые к круглым столбам, торчащим из черной глади воды, и фигуру, сидящую на самом краю досок.